



## ЯВИ-КА

*Виктория Чайкина родилась в Донецке. В декабре 2011 года, в период начала активных военных действий на родине, переехала в Пермь. По специальности хоровой дирижёр, ныне студентка Литературного института имени А.М. Горького (семинар поэзии Г.И. Седых). Публиковалась на арт-дайджесте «Солоненба», на портале «Полутона», в альманахе «Тверской бульвар». Победительница пермского поэтического слэма (2021), обладательница приза зрительских симпатий на турнире поэтов студии-альманаха «Полиграфомания» (2020), участница студенческой программы Ежегодного Всероссийского Совецания молодых литераторов СПР в Московском государственном институте культуры (2022), литературной резиденции ПФО в Чёрном Отроге в Оренбургской области (2022).*

Сентябрь. Вика идёт из музыкальной школы в палёных наушниках. На лбу — засаленные пряди отросшей чёлки. Очки она взяла у подружки: минус полтора, но выглядят круто, поэтому ей всё равно. Просто пока нужно потерпеть, переждать восьмой и девятый классы.

Вне дома Вика становится другой: такой, чтобы не отсветивать. Уже неплохо получается: ничего не слышно и не видно. Это помогает не сойти с ума, ведь дома девочка опять станет никем. Наушники нужно спрятать на подходе, очки тоже — если увидят, то заберут и сломают. Неважно кто: мама или младший брат. А каждой вещицей Вика дорожила. Хорошо иметь что-то своё, даже если это тайна.

Рядом с трамвайными путями музыку Вика делает погромче, а вдруг... Вот в палатке рядом среди клубники и творога стоит нерафинированное подсолнечное

масло. Но с ней не бывает ничего случайного. В школе девочку либо жалеют, либо не замечают. Третьего не дано. В очках на минус полтора мир становится мутным, а хрипящие наушники не помеха, чтобы слушать музыку. Пока в наушниках наваливал зарубежный рок, за девушкой уже метров пятьдесят шла быстрым шагом молодая пара: рыжая девушка и парень с щуплой бородкой, стройные и странные. Наконец им удалось нагнать её; они пару раз крикнули: «Девушка!» — а потом рыжая тронула её за плечо. Бежевое пальто было в мелких катышках, которые бугорками проступили под мягкой ладонью рыжей; Вика дрогнула, и будь она матушкой-землёй, тотчас бы уже началось землетрясение. На паузу музыку поставить сразу не вышло: паутинчатый разбитый экран поплыл. Пришлось приспустить очки, чтобы вернуть зрению тонус, и только после распутывания шнура, который обхватил руку змеёй, Вика обернулась.

Перед ней стояли и переливались на солнце две высокие фигуры. Девочка немного проморгалась и разглядела рыжую девушку с широким ремнём на талии и светловолосого парня в клетчатой рубашке и очках. Одежды они были не по погоде.

— Извините, а можно вас позвать в кино?

— А?

— Меня зовут Александра, а это Серж. Мы занимаемся фотографией. В нашей студии будет

показ художественного фильма «Чуджоу». Приходите!

— А где это будет? И почему вы ко мне подошли?

— Ты необычная, поэтому подошли, а студия за художественным училищем.

— А я как раз там живу, через дорогу.

Разговаривать с ними Вике было легко. Парень в очках стоял молча; от солнечного света прозрачные стёкла потемнели так, что не было видно глаз. А мимика у Александры колебалась маятником, смотрела она на Вику добродушно, но взгляд был изучающий, как у ребёнка в зоопарке.

— Тогда договорились. Завтра в 19:00.

— Хорошо! Давай номерами обменяемся.

— Да, мой +38069632948, — продиктовала Вика.

— Я сейчас дозвон сделаю, ты мой сохранишь.

Мимо тихо проплывал трамвай, и Серж дёрнул Вику за плечо, чтобы они не попали под волну.

— Извини. Даже не сигналил, — сказал Серж и получил Викино одобрение кивком, мол, спасибо.

— Да уж. Тогда до встречи, мне пора домой! — Вика хотела выразить недовольство, но получилось наигранно, с интонацией Энджи из «Одна за всех».

— Будем ждать! — попрощалась Александра; Серж кивнул, и они пошли в противоположную сторону, туда, где золотым

исполином располагался парк «Сокол».

Вика любила ходить через этот парк. Там часто собирались на «сходки» её ровесники, только каждый из них был на вес золота: все красивые, в классной одежде, громко смеялись, запиная рассказы друг друга энергетиками. Тут же был скейт-парк, куда она приезжала раз в неделю рано утром кататься.

Всю дорогу домой Вика думала о странной встрече. Не спустились ли на её немытую голову ангелы, что подарят ей свободу или отведут к папе? Два года прошло с его смерти, и уже полтора года её тиранит мать. Она появилась из пустоты в пыльном кабинете соцопеки. Чёрное уложенное каре, чёрный кожаный плащ с мехом, такие же перчатки и остроносые сапоги. Вика была рада, что мама нашлась и пришла. Ведь когда папа её искал, чтобы оформить алименты, у него не вышло.

Раньше Вика и папа вместе жили неподалёку от остановки «Художественное училище» на улице Ткаченко, а музыкальная школа была в соседнем районе на Артёма, там работал папин друг — Гончарик, учил играть на ударных. Там же, на остановке, не глядя на обсыпавшийся зелёный панцирь скамейки, сидела днём Вика и слушала хрипение свободы в наушниках. Если с пар возвращались студенты, она ставила на паузу и, не снимая наушники, чтобы не подать заинтересованного виду, слушала

живые разговоры. Они перекидывались незнакомыми Вике словами и носили чёрные тубусы, у многих были цветные волосы. Её свобода была зелёного цвета — эту стружку она отряхивала по привычке, когда подъезжал троллейбус.

В музыкалке снова ругалась Наталья Алексеевна: не было времени повторить «Канон», потому что мама приказала сходить в магазин и приготовить суп, а пальцы упирались играть. Через окна видно их дома и то, что включён телевизор. На автомате заскрипели ворота, такие же зелёные и облупившиеся; так часто можно принять за свободу — внутренний двор. Там сидит женщина с детьми. Она много пьёт, и от их дома несёт тиной. А детки у неё очень красивые, особенно Ева — рыжая кудряшка с голубыми глазами. Детям не так важна чистота дома, как наличие места, где можно свободно подкидывать мяч.

Внимание рассеялось, и Вика забыла снять очки, благо наушники покоились в сумке, потому что в карман не помещались, а очки подпрыгивали на кончике носа. Дальше — серая дверь. Её ставил папа, и веранду стеклил тоже он, а вот эту картонную дверь на входе заказывала мама: зимой дома так тянет по ногам, что можно не разуваться. И никакой звукоизоляции. Слышны индийские мантры, которые должны заглушить боль матери после потери второго мужа. С порога влетели её слова и расплющили:

— А это что? Сними, не позорься.

Сухая женщина с огромными глазами и ободком отросших серо-коричневых корней подошла и сорвала очки. Звякнули стёкла об серую коридорную плитку. В это время вышел из своей комнаты младший брат. Он ничего не сказал, но улыбка растеклась по его лицу.

— Вот скажи, Артур, почему она нас позорит?

— Не знаю, мама.

— Чёлку ещё эту отстригла, волосы почему грязные, как пакля?

— Я вчера мыла голову.

— Значит, плохо промыла, тебя ещё голову мыть учить, твой папаша ничему не научил, а мы теперь мучаемся.

— Ага, — улыбка на лице младшего брата расплзлась всё шире.

— А мы живём теперь в этой халупе. Иди раздевайся! — крикнула мать.

Вика ничего не ответила, хоть маленькие девчачьи кулачки сжались до белых костяшек. Три года занятий по фортепиано, и от нежных ручек не осталось и следа, только механические молоточки.

Девочка разулась — немного отходит подошва, но это не страшно. Идти с мамой на рынок за новыми ботинками было так унижительно, ведь у Вики «нет вкуса, как у своего папаша». Оскорбления дома слышал только шестилетний оболтус, а там — все. Вике становилось душно,

будто её горло обхватывали слова матери и надавливали на гортань до темноты в глазах.

В комнате опять играл Артур: на кровати валялись игрушки из киндеров, коллекция бегемотиков, которую Вика собрала ещё в третьем классе с папой. Вдвоём было свободно дома, а в «разваливавшейся халупе, за которой Вика должна научиться ухаживать, иначе жить негде будет, и замуж её никто не возьмёт», стены сжимались и сдавливали голову.

Это «замуж» уже отобрало у Вики два года. Вместо прогулок — готовка, уборка, учёба, оплата коммуналки, поездки к бабушке «за деньгами». Мама не работает и готовит только по праздникам. Большую часть дня женщина лечит душу мантрами и зажигает благовония. Вика любит музыку и слышит в этих медленных ритмичных мелодиях на неизвестном языке — умиротворение. Но мама не слышит, её постоянно раздражает всё, что делает дочь. Младший брат научился приспосабливаться, поэтому пособничает с ними по очереди.

— Мама, он опять игрушки разбросал. Я же просила его не трогать!

— Они всё равно пыль собирают только, а ты её вытирать не умеешь.

— Мама! Это мои вещи. И моя комната, я его туда не пускала!

— Артур! Убери игрушки! Слышишь?! Опять орёт.

Когда мальчик зашёл в комнату, Вика перешла на полушёпот:

— Мы же договаривались! Ты играешь, но убираешь. Я их спрячу, и больше не увидишь.

— Я забыл.

— Не забывай.

— Хорошо.

— Всё, выходи, мне нужно переодеться.

Вика стянула учебную потную одежду и надела любимую серую растянутую кофту со штанами. Из зеркальной двери шкафа на неё смотрит безбровая девочка, волосы в хвостик, никаких очков. Нужно как-то выпросить разрешение посмотреть фильм. Серж и Александра такие классные! Такие живые! Они единственные увидели Вику, нашли в ней что-то. Может, они подружатся, и ей будет куда убежать из дома. Но что сказать? Где они познакомились? К незнакомым точно не отпустит, да и к знакомым тоже. Вика вышла из комнаты с надеждой на случай:

— Мама, меня позвали кино посмотреть, можно?

— Когда?

— Завтра в семь, тут недалеко.

— Сколько денег?

— Бесплатно.

— Бери Артура, сходите вместе. Ко мне как раз клиент придет.

На окне «халупы», в зале, где сейчас решалась судьба маленькой девочки, висело объявление на листе А4: «Экстрасенсорика Натальи Чайкиной — 200 грн». Деньги это приносило редко. Они жили в частном секторе, где хорошая машина была роскошью, что уж говорить об эк-

зистенциальных вопросах. Людей судьба волновала мало, а вот где подработать, взять стройматериалы, где подешевле мясо — волновало.

— Мама, а если он баловаться начнёт?

— А ты веди себя так, чтобы он не начал.

— А если начнёт?

— Домой придёте.

— Почему я не могу сходить одна?

— Или с ним, или дома сиди.

Больно, обидно — Вика уже привыкла, что для матери она рабочая сила: вся работа по дому, все хлопоты вне дома, следить за младшим братом — Вика должна была это делать. И делала. Выбора не было. «Замуж», которым пугала мама, Вике тоже не нужно, но ещё два класса нужно учиться и помалкивать. А когда исполнится восемнадцать, Вика выгонит и маму, и брата, вернёт домой кота, тогда вот начнётся жизнь!

Они тут даже не прописаны! Это она узнала из платёжек по коммуналке, а что бабушка Артура по отцу живёт в двухэтажном роскошном доме, видела своими глазами. Пусть туда и катятся. А если не уйдут, то уедет она. Деньги заработает. И всё наладится. Может, если бы эти деньги были сейчас, то мама не сошла бы с ума, не срывалась бы на Вику по любому поводу? Пусть уж лучше снова станет холодной, чёрной, пропадёт из жизни, не нужно никаких алиментов!

Сколько ни думай о светлом будущем, а оно так и остаётся вдалеке, как всё хорошее в мутном тумане памяти. Завтра нет занятий в музыкальной школе, зато в обычной до четырёх. Ну и ладно. Вика любит школу, там никому нет дела до чёлки, а к очкам все привыкли. С мамой классуха не общается, так что верят на слово. Нужно ещё успеть сделать домашку, седьмой класс ни там ни сям: экзамены ещё далеко, началка — уже.

Два часа над учебниками, сидя на своей кровати, и всё готово. Из окна налетает пыль с дороги, но шум «Запорожцев» и «Лад» заглушает голос матери и бесконечную индийскую песню. Артур играет на улице, а мама на кухне за ноутбуком. За Викиным ноутбуком, который подарил папа. Мама трогает его своими длинными иссохшими пальцами. Сначала Вика пыталась отбирать его, но в ответ мать грозилась выбросить, и одна отбитая клавиша угрожающе открывала чёрную дыру, что поглотит последние фотографии с папой в памяти. Поэтому Вика решила, что потерпит, лишь бы всё было цело.

Желудок заурчал: «Вот бы перехватить чего-нибудь, может, суп остался?» Девочка прошла на кухню мимо матери, застывшей гипсовым изваянием, — она ушла в свои молитвы; звук открывающегося холодильника прошёлся волной по телу, но из транса мать не вышла. Вика выдохнула с облегчением, когда

покинула кухню с тарелкой холодного супа. Разогреть — значит стоять на кухонном минном поле, а этого не хотелось. Нужно быстро поесть в комнате, так же тихо вернуться и положить тарелку в мойку.

А перед сном залипнуть в телефон: включить музыку и играть в «Doodle jump». Глупая игрушка, но расслабляет. Можно ещё достать секретный блокнот, что подарила одноклассница. Пока он был тайной, а значит, принадлежал Вике, его не могли отобрать и выбросить, как очки, чью оправу краем глаза заметила в мусорке. Без блокнота сегодня.

Вечер тянулся, как розовая безвкусная жвачка за 50 копеек. Если удавалось раздобыть какие-то деньги, то Вика покупала её, надувала и лопала, надувала и лопала, а выплёвывала, только когда резина теряла свою пластичность. До музыкалки — пешком час, проезд стоил два пятьдесят, а это запас жвачек надолго и даже упаковка крабовых палочек. Дома были только водянистые супы, мясной бульон по праздникам.

Одежду приносили соседи. Но, вообще, плевать было на одежду. Еда волновала Вику намного больше. Об этом лучше не думать перед сном: снова захочется есть, а голод спать не даёт, и забить его больше нечем. Когда веки перестали подниматься даже через силу, Вика, под голоса мамы и брата в зале, уснула, разгадывая, о чём же будет завтра фильм.

Наутро всё перемешалось, и вот уже не зелёный человечек прыгает на экране телефона по платформам, а молодая рыжая девушка за руку со светлым парнишей скачут по трамвайным рельсам. Вике нужно было как-то напомнить матери о походе в кино, чтобы ничего не испортить.

Артур не любил школу и тяжело просыпался. Утром ругался с мамой. А Вика опаздывала, потому что всегда дожидалась брата. У него первый класс — одного не отправишь. В школе Артуру приходилось учиться, а дома можно было делать всё что угодно, потому что их мама считала брата пришествием Бога на земле. Это можно списать на неземную любовь к своему ребёнку, которая волей-неволей управляет сердце каждой матери, но всё равно чересчур это было. Сегодня утром у них всё прошло более-менее гладко, но момент нельзя назвать подходящим для разговора.

— Пошли, а то опаздываем.

— Дай ему обуться.

— На меня и так косо смотрят учителя.

— Они бы попробовали вырастить двоих в одиночку, без копейки на детские.

— Мама, я всё.

— Пока, сына.

— Пока.

С братом мама всегда прощалась, будто боялась, что он может не вернуться. А с Викой они даже не здоровались. По дороге

Артур всегда телепался где-то сзади, и девочке приходилось его подгонять.

— Давай быстрее!

— Не могу! Портфель тяжёлый!

— У меня тоже тяжёлый.

— Нет.

— А ты попробуй.

— Не буду.

— Давай, пойдём, немного осталось.

Раскачиваясь с боку на бок, как неваляшка, Артур прибавил шаг, и они всё-таки успели. Минута в минуту. Вика ещё помогала брату раздеться, поэтому всё равно опаздывала. В самолёте кислородную маску нужно надеть сначала себе, а потом ребёнку, чтобы спасти две жизни, но о Вике в их семье речи не шло.

Первый урок математики ведёт классуха. Вика тихо зашла в класс и села на последнюю парту второго ряда. Её соседка Лиза заболела, поэтому сегодня девочка сидит одна. Уроки менялись, а Вика всё сидела и думала о семи часах. О том, как напомнить, как не навредить. Ей всегда приходилось обдумывать каждое слово и действие, чтобы выжить. Отвечала домашку на автомате, даже получила двенадцать баллов за стих, который нужен был к прошлому занятию. Класс большой, а она в конце списка.

На большой перемене живот снова заурчал, что-то в нём зарождалось, тёплое приятное чувство, что кому-то есть до неё

дело. Организм поддерживал Вику больше всех родственников. Ранки на губах быстро затягивались, как и царапинки. Колокольный бой возвестил, что её смена подошла к концу. Собралась она быстро, Артура забрала с продлёнки, и они вместе поплелись домой. Медленно и вяло. Бабье лето обманывало теплом и развязывало язык. Вика улучила момент.

— Пойдём сегодня на фильм, — как бы между прочим сказала Вика.

— Круто, а куда? — после продлёнки Артур радовался возвращению домой.

— Тут недалеко, — так же спокойно, по-взрослому, сказала и поучительно добавила: — Обещай вести себя прилично!

— Хорошо. Всё равно дома нечего делать.

— А домашка?

— Так её мама сделает, а долго ещё до каникул?

— Ещё полтора месяца.

— Зачем вообще туда ходить?

— В школу? Чтобы учиться новому.

— А мне не интересно новое, — отстранённо ответил Артур.

— Ну, кто-то же придумывает конструкторы «Лего», компьютерные игры — всё, что тебе нравится делать, кто-то придумал.

— Это да, конечно. А о чём фильм будет?

— Я не знаю, не слышала о таком, — Вике было совсем не важно, о чём фильм, хорошо, если интересный, а если нет, то хотя бы люди будут живые.

— Ну, ладно, — быстро потерял интерес Артур и начал рассматривать по дороге деревья и рисунки на асфальте.

Идти было близко. А о фильме нужно было напомнить матери. С каким удовольствием Вика выдохнула и расслабилась, когда никого не оказалось дома. На столе лежала записка: «Поешьте, и пусть уроки сделает. Я ушла работать». И всё время, хоть младший брат и нудил, в животе снова было что-то мягкое и тёплое; домашку согласился делать по бартеру: один бутерброд с сахаром за упражнение, но Вика сторговалась на предмет. А потом отдала телефон поиграть — в того самого зелёного человечка. И пока Артур перепрыгивал с платформы на платформу, Вика на перекладных делала свою домашку: перекладывала часть упражнений на ранний подъём и решебник. Если в школе она потеряет свой невзрачный авторитет, то всё сравняется с домом, а этого допустить Вика не могла.

Мама так и не пришла до их ухода, поэтому Вике пришлось одевать брата самой. Она удивлялась его пластилиновым, мягким ручкам, которые всегда не попадали в водолазку или рубашку с первого раза, а ножки цеплялись за шорты и штаны; потом она вспомнила, что зимой приходилось ещё натягивать колготки, но тряхнула головой.

— Повесь школьную форму, почему валяется?

«Если бы не увидела, то мать бы устроила скандал, брату и

так ходить не в чем, обошлось»,

— подумала Вика.

— А? Не увидел, сейчас.

— Вот джинсы надень и футболку, — Вика показала пальцем.

— Хорошо, носки эти? — Артур показал на оранжевую пару.

— Любые, не видно же особо.

— Хорошо.

— Давай, нам пора выходить.

Когда собрали Артура, в зеркале прихожей Вика посмотрела и на себя. Обязательно надела то пальто, хоть и жарко. Главное, чтобы узнали. В любой момент могут бросить: так папы не стало, так мать выгнала кота. Уже перед выходом Вика набралась смелости и позвонила Александру.

— Привет! Придешь?

— Привет, да. Только я с младшим братом, ничего? Не с кем оставить.

— Ничего! Приходите.

— До встречи тогда.

— Ага.

Очень страшно было звонить. Вчера они светились. Что их привлекло? Вика с братом спустились к главной улице по склону — дом был на холме — и перешли дорогу в неполюженном месте: перехода тут отродясь не было. Прошли заветную остановку, на которой Вика обычно ждала свой троллейбус. Завернули за здание худучилища, там, сквозь площадку для баскетбола, подошли к одноэтажной белой постройке. Вика нажала на кнопку звонка, и через минуту Александра открыла дверь. Пока они ждали, Артур спросил:

— А что тут? Кинотеатр?

— Не-е, фотостудия. Так что будь аккуратнее.

Из двери вылетело немного пыли в солнечные линии. И оказалась Александра, ветер запружинил её кудри.

— Это Артур, — Вика представила брата.

— Приятно познакомиться, — пролепетал брат.

Вика удивилась его скромности, неужели и на него Александра произвела богоподобное впечатление, или, если верить матери, что брат — пришествие Бога, Артур установил вселенский контакт... Ой, она снова встряхнула головой, чтобы вытрясти эту муть, яблочко от яблоньки, всеми силами Вика берегла рассудок от экстрасенсорики.

Они зашли, и внутри девушка представилась:

— Меня зовут Александра, это Серж, там наши друзья. Чувствуй себя как дома. Будешь чай?

— Да, — и нерешительно добавил: — А конфеты можно?

— Конечно, — дала добро Александра и тепло улыбнулась.

Как только дело касалось конфет, Артур становился покладистым. Можно было всегда его подкупить, но вот денег дома на конфеты не было.

— Как твои дела? — обратилась Александра уже к Вике, а Серж пошёл с Артуром к кулеру.

— Всё в порядке. Вот со школы недавно.

— Нравится учиться?

— Да. Там спокойно.

— А дома?

Вике стало не по себе, будто начали лезть в душу. Почему именно дома? Но потом она вспомнила то сияние, которое здесь не ощущалось так ярко.

— Как придётся, — честно ответила Вика.

— Ну и ладно. Ты уже смотрела художественное кино? — спросила Александра, она чувствовала людей.

— Нет. Как-то не интересовалась, — ответила Вика отстранённо.

Через секунду ей стало стыдно. И вообще, зачем она пришла, тут все такие образованные, а она никому не нужна. Наверное, они просто выбирают из толпы, кто поглупее выглядит, и зовут потом, чтобы посмеяться после ухода глупых гостей — в своей учёной компании. Но Александра не стала прерывать разговор:

— Это ничего. Мы потом обсуждать будем, присоединяйся. Это по желанию.

— Хорошо, я подумаю.

— Пошли, тоже чая нальём. И уже начинать будем.

— Да, давай.

Чай с бергамотом наполнял теплом. Артур уплетал конфеты и играл в телефоне. Через несколько минут свет погасили, люди окружили монитор; младший брат остался сидеть на диванчике, а Вика села рядом. На полу лежали коврики для йоги, стояли стулья.

Фильм «Чуджоу» был чёрно-белым, без диалогов. Деревня, хатки, казаки «с осэлэдцями» пьют водку, молодые девушки кружатся в хороводе, прыгают через костёр. Уже ночью, после гулянья, девушки снимают белые вышиванки и голыми идут купаться в реку. Тут Вике стало снова не по себе. Голые женские тела вытащили тревогу. Артур уснул минут через сорок после начала и не увидел их.

Казалось, что фильм не кончается. Вика всё смотрела на деревенскую жизнь. Потом на контрасте появился теплоход с шампанским. И дальше везде было это шампанское, наверное, главный спонсор, подумала Вика. В воде, крупным планом в коробке, из горла, когда его хлестал моряк и, заигрывая, подмигивал молодой девушке в платье. Деревня отдалялась, кадры с сельской жизнью становилось всё меньше. Вика подумала, что вроде бы хорошо, городская жизнь — пароход в будущее, но что-то так больно было смотреть на деревенских. После голых кулапальщиц уже ничего и не страшно, будто породнились. «Яви-ка страшную тайну прогресса, режиссёр!»

На корабле кружились девушки в платьях, всё искрилось, но не сияло. Фильмы выдают сказку за жизнь, а Вике нравилась эта сказка. Они с папой плавали на остров на белом облупившемся катере, и всё было хорошо. А теперь — другое,

страшное «замуж». И вот проходит её юность: без красивых платьиц и шампанского. И парням до неё, серенькой, дела нет. Вике в голову ударил свет. Фильм кончился, титры плыли на фоне «Советского шампанского». К девочке подошла Александра:

— Как тебе?

— Интересно.

— Останетесь обсуждать?

Артур открыл сонные глазки; все маленькие дети спросонья ходят на ангелочков, тем более что школа уже не грозит.

— Фильм кончился?

— Ага.

— А ещё есть конфеты? — спросил Артур у Александры.

— Нужно глянуть, Серж, налей дитю чаю.

— Ага, сейчас, пошли посмотрим, — Серж снова взял за руку Артура и отвёл к кулеру, на этот раз там уже шумно обсуждали фильм, прихлёбывая чаем из одноразовых стаканчиков.

— Насчёт остаться — а сколько времени? — спросила Вика и сжала в кармане телефон.

— Полдесятого, — ответила Александра.

Вика достала из кармана связь, а там четыре пропущенных от мамы.

— Наверное, нет. Дома влетит, мама звонила, а я не брала. Но на всякий случай сейчас позвоню — спрошу.

— Давай, будет весело, у нас люди интересные, — воодушевила Вика Александра.

Девочка отошла подальше от шумного обсуждения и вышла

в холл. Там в темноте лежали огромные листы бумаги, свёрнутые в трубочки; рядом стояли огромные зонтики, на линолеуме пятнами были видны следы без времени. Дождей не было уже пару недель.

— Алло, мам.

— А где лежит сумка для ноутбука?

— Над штангой в шкафу.

— Вы ещё долго?

— А сколько можно?

— Полчаса — и домой давайте.

— Ты за этим звонила?

— Да. А потом вспомнила, что вы в кино.

— Спасибо.

— Дай Артуру трубку.

— Сейчас, он чай пьёт.

— Ладно, тогда дома спрошу.

— Пока.

Вика вернулась. Ей удалось, живот тихонько забурчал — нужен чай. Александра вышла из компании и подошла к ней:

— Останетесь?

— На полчаса. А вообще, лучше пораньше.

Мысли о том, что обсуждение выявит её глупость и Вика никогда не увидит Александру, болезненно надавливали на пустой живот.

— Хорошо, тогда уйдёте потом, как будет пора.

Вика посмотрела на Артура, который снова сидел на диванчике и играл в зелёного человечка на телефоне. Рядом стоял чай. «Лишь бы не уронил», — пронеслось в голове у девочки.

— Спасибо, что пригласили, — смущённо сказала Вика.

— И ещё, пока не забыла. Мы тут хотели бы съёмку провести с Сержем. В поле, может. В белом длинном платье и венке. Ты бы поучаствовала?

— А что делать? Не факт, что мама отпустит, конечно.

— Позировать! Помнишь, о чём мы тебе говорили у трамвайных путей?

— А, что необычная.

— Точно.

— Ну, можно, наверное.

— Ты не бойся, в речку потом гольшом не нужно будет идти, — сказала Александра, из неё вылетел короткий смешок.

Вика улыбнулась, и они вместе подошли к компании.

— Это наша новая знакомая, Вика, мы её хотим поснимать. Вот и фильм у нас референсом послужил.

— Какая интересная! — протянула тучная женщина с чёрной короткой стрижкой под мальчика, в прозрачных очках с квадратной оправой. Совсем как у тех, что носила Вика.

— Как Алёнушка у Васнецова. Найдите камень там, в лесу, можно у болота. Глаза такие печальные, — вставил высокий лысоватый мужчина.

— У неё типаж такой, славянский, мы как раз искали. И ростом невысокая, — сказала Александра. — Давайте фильм обсуждать. Начнём как раз с Вики, ей с братом скоро домой.

— Скоро домой? — с очередной конфетой в руках отозвался Артур.

— Ага, ты пока чай пей. Понравилось? — притормозила мальчика Александра.

— Да, было вкусно.

Артур разрядил васнецовскую грусть. Все засмеялись.

— А теперь давайте послушаем.

— Ну, я в таком не сильна. А почему там так много шампанского было?

Лысоватый мужчина засмеялся и ответил:

— Спонсоры. С этим тяжело, если не хочешь снимать только хихи да хаха. Я вот когда короткометражку снимал, пришлось кредит брать.

— А вы снимаете кино? — удивилась Вика. Высокий, в застиранной рубашке, мужчина совсем не походил на режиссёра.

— Было дело.

— Возвращаемся к фильму, — вмешалась Александра. — О чём кино, по-твоему?

— О жизни. Это банально, наверное, звучит. Но вот жизнь спокойная, сельская, а потом этот пароход с шампанским — и отошла она, раздавил пароход.

— Да, это как в начале СССР: раскулачивали, в город всех перевозили. С того времени деревня и вымирает. А ещё о чём?

— Не знаю, но точно не о любви. Тот моряк смотрел на девушку так... так... неприятно.

— А у девочки-то голова работает, — вставила чёрненькая женщина. — Да, эти «моряки» до сих пор так пьются. А по телику: «Заводите семью, повышайте рождаемость».

— Я телевизор не смотрю, — сказала Вика.

— И хорошо.

Вика интуитивно посмотрела на часы: десять пятьдесят.

— Ой, нам пора. Артур, одевайся, — позвала брата Вика. Но мальчик не отрывался от телефона.

— Артууур, — повторила Вика. — Уходим.

— Сейчас.

— Спасибо! Было интересно.

— Приходи ещё! А насчёт съёмки — я позвоню.

— Я учусь до трёх... четырёх, а потом музыкалка.

— Договоримся! Аккуратнее там, по дороге, темно уже.

Артур стоял одетый. Александра обняла Вику, Серж пожал руку Артуру:

— Не обижай сестрёнку, она у тебя во какая, — и показал кулак с большим пальцем наверх.

— Хорошо, — Артур смотрел на Сержа заворожённо, именно этот молчаливый парень снял основную груз с Викиных плеч.

Отец мальчика умер год назад, и с того момента он жил только с сестрой и мамой. Машинки на радиоуправлении никто больше не покупал, в кино ходили редко, на плечах не катали, зато в школу отправили. Иногда мама его пугала, иногда сестра. Но дома всё равно лучше, чем в школе, где всегда орут.

— Мы пошли, — попрощалась Вика.

— Удачи! — прокричала вдогонку Александра.

Домой шли сонно. Вика думала. Дома мама не ругалась, опять сидела в ноутбуке на кухне. Они быстро переоделись и легли спать, ранний подъём никто не отменял, домашку нужно доделать. Ночью Вике снились катер и шампанское. А с берега ей махали на прощанье девушки в белых длинных рубашках.

## Процентщица

Я пишу. Основное занятие — писательство. Такое несчастье на меня навлекла судьба, не иначе, ведь вместо погружения в процесс я занимаюсь его описанием. Все мысли должны быть изложены сразу же, будь то светящийся экран или хрустящий линованный лист, клетку не переношу на дух. И чем сильнее впечатление, тем быстрее необходимо всё выписать.

Вот раньше я думала, что закон на стороне рабочего человека, а сообщение от Миши: «На старой работе зарплату так и не выплатили, а с новой только в середине сентября будет» — всколыхнуло жаждающее событий внимание.

*Следующая остановка — «Сквер Галины Старовойтовой»*

Миша уже год с переменным успехом выплачивает мне долг в двенадцать тысяч рублей. Помощь часто оборачивается кабалой. Парня угораздило приехать

в Питер к другу, а тот слёг от ковида. Тогда Михаилу пришлось срочно искать жильё, поэтому он написал девушке, которую видел один раз. Мне.

Я не знаю, был ли друг в Питере, но раз попросил, то вправду критическая ситуация. Позже я узнала, что Миша — заядлый выдумщик и заёмщик, а обратился он ко мне, потому что все уже давно прознали его нутро и больше в долг не давали. А я могла.

Как и двоюродному брату мужа моей сестры. Но там был другой разговор. Это бизнес. Роме нужна была сумма денег, чтобы скупать айфоны с «Авито», чинить их и перепродавать. Так с каждого можно было по две-три тысячи заработать. Я охотно дала ему деньги, но под договор, с оговорённым процентом и с повышенной ставкой за просрок. Конечно же, как и любой стартап в Москве с нулевым капиталом, дело быстро прогорело, а сам Рома перестал выходить на связь. Кстати, у меня была фотография паспорта Миши, Михаила, поэтому... ну и потому, что я уже знала, где он живёт, и все уже знали, что он мне должен, парень попал в капкан.

Но вернёмся к Роману. Меня всегда привлекала позиция подерживать маленького самозанятого ипэшника, потому что это вклад в экономику страны и элементарная человечность. Пока в мире всё стремится к глобализа-

ции, я канцелярской булавкой протыкаю нарастающий пузырь.

Рома оборудовал себе небольшое место в пригороде, аренда места даже в отдалённых районах Москвы для начала — неподъёмный камень. Но тем не менее каждый год талантливый предприниматель со своей гениальной бизнес-идеей катит его в гору, растит прибыль... И вот камень падает... Первые выплаты «идейным» сотрудникам, расчёты с поставщиками, аренда, коммуналка, и хорошо, если к этому времени ещё не ушёл в минус. Ноль в бизнесе — число положительного начала.

Но мы далеко уехали, а Рома — начинающий бизнесмен в палатке на рынке. Мне этот союз был на руку, свою азартную душу я хорошо знаю, мне на роду написано вкладываться в опасные проекты и безусловно, как и было долгое время, из них выводить доход. Долгое время.

Рома не мог скрыться с концами, потому что семья — точка возврата. Особенно когда жить негде. С опозданием на полгода Рома закрыл наш договор и выплачивал процент, но конскую просрочку в половину суммы договора выплачивать отказался. Что ж, одна семья — сочтёмся.

*Остановка «Сквер Галины Старовойтовой»*

А Миша не родственник. Из двенадцати тысяч ему осталось выплатить четыре. Он не по-

следний в списке, но с ним мы общаемся регулярно, раз в месяц, накануне его зарплаты. Я — сухо, он — расписывая тяжёлые обстоятельства своей жизни.

Деньги лишают друзей. Так стал одиноким Миша, и дичаю я. Девушка моего друга записала мне голосовое в ВК, что срочно нужно три тысячи заплатить за квартиру, а отдаст — крайний срок через три дня. С того момента прошло уже два сезона, деньги небольшие, но никогда бы не думала, что это моя цена на рынке дружеских отношений. Три тысячи рублей.

С другом мы виделись зимой на его день рождения. Во время ночной беседы он как-то признался мне, что до сих пор не может понять, встречаются ли они с девушкой. У меня на данный счёт сомнений не было, потому что они уже полгода жили на съёмной квартире, в которой мы сидели и говорили, а стоило бы там прибраться. Уснули тогда вдвоём на диване, спать больше негде было, и, кажись, обиделась заёмщица, увидев нас спящими вместе.

Я вообще отозвалась бы о том вечере как о странном мероприятии с кучей хлопот: сначала развалился мангал в студёном лесу, пришлось возвращаться домой с сырым мясом в пакете. По дороге наших, что отстали от пешеходного движения домой, остановили полицейские, приняв за закладчиков. Возможно, они выглядели подозрительно и одиноко ночью у леса, и компания

им бы не помешала, но это обошлось. Кое-как мы добрались в квартиру, в которой всё же надо было прибраться.

С того момента я в долг не даю. Вот вспомню этот запах майонезного маринада, и как он стекал из пакета по её рукам. А потом девушка, взяв на себя хозяйство, сдвигала грязную посуду и раскладывала толстые куски на закоптившийся противень. Покажется странным, что я вообще помогала деньгами кому-то. Но у меня до недавнего переезда в Москву было много положительных результатов моей помощи. Наверное, не зря все деньги утекают в столицу, там и вправду все в них нуждаются, но стоит предположить, что нуждающихся, которые приехали туда за деньгами, не меньше, чем обжившихся в нужде.

Деньги развращают человека. Не знаю, карма ли, но совсем недавно случился апогей моей наивности. Я нашла мебельщика на «Авито». Проверила отзывы, фотографии, дату регистрации. На следующий день написала ему: расписала кухню мечты, отправила фото проекта. Мы его подправили, всё обговорили и встретились через день. После трёхмесячных поисков такая скорость показалась мне высшим пилотажем!

На каждую личную встречу брала с собой провожатого: на подпись договора — парня, а на подбор материалов — подругу. Академический отпуск подходил к концу, близилась пора

возвращаться в Москву, и какое-то провинциальное чувство заставляло вкладываться меня в индустрию своей малой родины — Перми.

### *Остановка «Кислотный»*

За два дня до установки мастер пропал, за неделю он лёг в больницу, а до этого месяц консультировал и не вызывал подозрений. По практике с Мишей все документы были сфотографированы, договор заключён. Всего-то с маленькой погрешностью — сумма указана, подписи стоят, а злополучное «мною деньги были получены» упущено. На это указал юрист месяцами позже, а пока я как ни в чём не бывало иду распечатывать судебный иск в трёх экземплярах, во имя Отца и Сына и Святого Духа, а также всё, что поможет отыскать Дмитрия. Да пребудет со мной Святая Троица, ибо поступала я всегда во благо людям и себе.

### *Остановка «Улица Менжинского»*

Несём ли мы сами разрушение в уютный быт, чтобы запечатлеть в тексте до последней запятой этот первородный ужас перед грузным зданием суда? На входе осмотрели сумку, я смотрела, как и сотрудники, — в первый раз — на то, что ношу на плечах. Человек попадает в Рай сразу же после смерти?

Открывает глаза, осматривает свои руки, ноги — как в первый раз. Потом замечает белую сумку на плече — а там иск на Зырянова Д.А. в трёх экземплярах. А в нём вся история взаимоотношений. И как отпустить после такого земную жизнь? Призраками ходят погибшие по дороге в суд, погибшие за справедливость.

После металлоискателя я рассыпалась — сейчас резко открывается дверь приёмной и сдует напроць. Ещё не призрак, но тут уже и не человек. Из-под вытянутых бордовых рам, сжав губы, прошипела зализанная женщина:

— Мы скоро закрываемся.

— Да, мы знаем, через час, — с улыбкой, задабривая змею, сказала я.

— Сейчас сверим список.

— Да, спасибо.

— Вы ответчику уже отправили?

— А это разве не суд сам должен делать?

— Нет, — наблюдая, не моргая, отрезала змея.

— А где тут почта ближайшая?

— Выйдете — и направо, не доходя до «Пятёрочки».

— Спасибо, а сколько идти примерно?

— Ну, вы вряд ли успеете. Госпошлину оплатили?

— Нет, нужны ваши реквизиты. Тут рядом Сбербанк есть?

— Сбербанк в «Пятёрочке». Поздно вы пришли.

— Успеем, — с той же улыбкой ответила я.

Женщина в приёмной, с узкими глазами и румянами поросячьего цвета, недовольно причмокивала. Напоследок добавила, что как судья решит, так и будет, может, в мировой суд перешлёт. Но я ответила, что мировой суд до пятидесяти тысяч, а тут шестьдесят три.

У охранников ещё раз уточнила насчёт почты. И полетела. Сначала на почту — там очередь, потом к банкомату — там очередь уже за мной: попробуй введи все цифры КПП, ИНН и т. д. с первого раза. На почте немного рассосалась толпа под моим возмущением, и письмо было отправлено. За пятнадцать минут до закрытия моё тело, уже не крошащееся, а как подошедшее тесто, пружиной влетело через тяжёлую дверь — металлоискатель — и напрямик в логово змеи.

Женщина снова сравнила список документов.

— А где ксерокопия чека?

— А там разве галочка не стоит? — спросила я, поддёрнутая учащённым дыханием.

— А вы сами не перепроверили? — с недовольством, сжимая перламутровые губы, прогнусила женщина.

А я не перепроверила. Потому что галочка стоит, потому что все документы идеальным комплектом я отнесла за день до этого в полицейский участок и рассчитывала, что второй комплект соответствует первому. Потому что распечатывала в одном и том

же месте, и среди скринов переписки, договора, сканов на почте потерялся этот чек.

— А без него нельзя? Или потом донести?

— Нет. Вот держите. Завтра всё приносите. Сейчас ещё раз проверим.

Змея снова расставила свои галочки на ксерокопии, перечёркивая успех предприятия. А я побрела домой. Ноги путались, как детская радужная резинка, одна на другую. Мышцы до сих пор потряхивало. До остановки пришлось идти по обочине шоссе. Там, где никто не слышит и не слушает, я закричала. Машины скрыли этот вопль с диким животным рычанием.

Система. Шаг вправо — шаг влево. Пешеходного тоже не было. Главное — парк возле суда построили, а как от остановки дойти, никто не подумал. Потому что всё показное: делаем по проекту, что положено, а что нужно на самом деле — никто не делает. Перебежала, когда на далёком расстоянии загорелся красный и прервал поток фур, легковушек и редкого голодного автобуса — холёного, красного, как в Москве. И дорогу-то провели в кои-то веки за десять лет. Я всё кичусь, что к моему переезду, а на самом деле к трёхсотлетию города.

На остановке стояли редкие бабушки в выцветших куртках. Напротив золотила, багрянила осень, размывая грязь моими крокодильими слезами. Уже ходишь

в ветровке, но ещё пригревает. Ждала автобус долго. Всё думала, как там призраки, которые до суда не дошли? Катаются, небось, на детской площадке напротив, гремят цепями. И змеюку эту тоже пару раз шугали с обиды, но ведь и она же в системе.

Делать нечего, завтра утром поеду. Сейчас уже седьмой час, в нашей глуши даже распечатать негде. Приехал полупустой автобус, уже покоцанный: сидушки пыльные.

*Остановка «Улица Менжинского», следующая – «Молодёжная»*

По дороге решила написать заёмщице, может, войдёт в положение. Сама ведь просила – платить за квартиру нечем. А тут – нечего есть, и готовить на коленках. Если бы денег много было, то не стала бы, пусть уж Бог простит. А этот Дмитрий конкретно так полоснул по кошельку. Впри-тык осталось. Тут ещё с работы ушла – думала, ремонт доделаю, а нет. Систему так быстро не проймёшь.

Написала по дороге домой и забыла – леса у нас красивые, да бессвязные. Только сиди-смотри, что природа творит. Дома увидела – пришёл ответ: «Конечно, переведу». Надемся.

До утра денег не поступило, я написала ещё раз, ответа не поступило тоже. Ладно, Бог дал – Бог взял. Распечатала узкую полоску

чека, которая инородно корчилась на белом А4. И снова на бессвязный автобус. Говорят, Пермь – серый город. Город-призрак – просто они вплотную стали к стенам и ровнёхонько впитались в немецкий кирпич.

*Остановка «Молодёжная», следующая – «Улица Менжинского»*

Раз от девушки ни ответа ни привета, то напишу Мише, как раз в середине сентября обещал отдать. Интересно, получилось ли ему выбить с прошлой деньги? Тут я даже родство с ним чувствую, вроде бы живёшь по совести, а до неё, кроме тебя и эпизодически государства, никому и дела нет.

Сообщение в ВК:

– Привет, переведёшь?

– Да, привет, вот на днях зп перечислят.

– Отлично, а то меня тут мексиканец кинул. Вот последние деньги кончаются.

– Да? Как так?

– Да я кухонный гарнитур заказала. Впопыхах, но всё перепроверяла. И профиль хороший, и отзывы. А он за два дня до установки в больницу лёг, потом и вовсе исчез.

– И что теперь?

– В суд подъезжаю иск подавать. В полицию уже написала, но там всё долго.

– Серьёзно, много заплатила?

– Полную предоплату, 55К.

И ещё 7 на фурнитуру. Думала успеть до сентября.

— Да уж. Надеюсь, найдёшь его.

— Я тоже надеюсь, а как у тебя дела? Получилось выбить зарплату?

— Да куда там. Без договора — ничего.

— Да уж. Главное теперь — нормальная работа.

— Ага, ты держись.

— Спасибо.

Значит, дело подходит к концу. И в конце кабалы я снова оказалась у разбитого корыта, замкнула кабальный уроборос. Феерическая вершина. Если посчитать, то Миша плюс Рома плюс знакомая — пятьдесят пять тысяч. И Дмитрий — пятьдесят пять. Те семь, что чеком, вернуть получится точно.

*Остановка «Улица Менжинского»*

Дорога опять вдоль шоссе. Трассы. Совсем уныло. А так — красные новые московские автобусы. Иду спокойно, временами подкрадывается кашель, так исподтишка, как будто кто-то посмотрел не так в спину. Наверное, тот, кто не дошёл. Я до обеда успеваю. Охранники сменились: теперь два парня в телефоне, а там девушка и мужчина были уже как свои. Мы с ними и почту, и ксерокопию... А вот змея на посту. Для смелости кто-то подтолкнул меня в спину на пороге кабинета, прошмыгнул

вместе со мной, небось, — вырвался кашель.

— Если болеете, маску надо носить!

— У меня аллергия на пыль, — всегда так отвечаю.

— А паспорт где?

— Чей?

— Ваш!

— А его, что ли, нет?

Подхожу и с ходу вижу свою довольную физиономию.

— Так, ещё раз.

И снова галочки ставит, рядом со вчерашними.

— А Зырянова?

— Так там же галочка стоит.

— А вы что, не проверяли сами?

— Так вы же вчера проверяли.

— Паспорт — это важно.

— А где у вас тут можно распечатать?

— Не знаю, вот вы девушка молодая, а всё забываете. Бабушки старенькие всё сразу приносят, — прошипела змея.

— Я болею.

— Так почему без маски?

— У меня хроническая бессонница.

— Ясно всё с вами. Меньше говорите.

— Так оформляем?

— Нет, паспорт нужно. Идите печатайте.

— Придётся. Бог любит троицу.

Охранники подсказали, где можно распечатать. Оторвали покрасневшие глазки от экранов. Молоденькие, ещё не пропитались духотой этого змеиного

гнезда. Две серенькие мышки у двери. Оказалось, что печатня тоже рядом с «Пятёрочкой». Почта такая серенькая сегодня, пуще прежнего, солнышко не выходит. А вот «Пятёрочка» тоже красная, как автобусы: такая философия — ешь и едь, а остальное приложится.

Нашла заветный принтер. Наценка процентов на 20 от и без того недешёвой печати, но выбора нет. Одну же страничку. Обратно снова пришлось бежать, чтобы успеть до обеда. Вот так и бегу, и ем, и еду. У каждого своя кабала.

Миша наутро деньги перевёл. А девушка через полторы недели. Может, тоже у кого перезаняла, не знаю. Но долги уплачены, а значит, можно вычёркивать. А что с Зыряновым будет, одному судье известно. И думается мне, что дело это длинное. Когда вышла из здания, поблагодарила послушных мышек, у Золушки были свои помощники — у меня свои. Кашель прошёл сам собой. Призрак закрыл гештальт. А пока процентщица в деле, спуску должникам не будет. Не приведи Господь.

## **Пиши, а там видно будет**

— А где работать потом будешь? — спросили в деканате.

Вопрос встряхнул воодушевлённую студентку. Обряд инициации срезал махровую быстрю

славу. Гордая абитуриентка сделалась крохотной студенточкой.

— Ну, у меня ещё есть среднее специальное. По нему и работаю, — слова комкались во рту студенточки.

— Это хорошо. Сейчас зайди, насчёт общежития узнай. Ты пока одна, студенческий позже будет.

— Хорошо, спасибо. До свидания.

Жёлтый дом перетянут зелёной реставрационной сеткой. Во внутреннем дворике оловянный Герцен переливается в зелёной кроне, и кажется, что реставрация затронула и его расправленные плечи. Коронавирус обтянул мировые лёгкие. Две тысячи двадцатый год постепенно стряхивал чуму с домашнего халата, поправляя маску на лице, грузно дышал в метро.

С общежитием решилось быстро. У коменданта — рабочий день. Бумажки подписали, печати поставили. По зелёным болезненным коридорам сновали старшекурсники. На втором этаже за тяжёлой металлической дверью стопками лежали простыни, наволочки, багряные пласты клетчатых одеял и серые подушки.

— Тут нужно расписаться. Проверь: всё дал? — сказал в спешке комендант.

— Хорошо, — неуютно ответила студенточка. — Вроде бы да.

— Я на первом этаже буду, когда вещи занесёшь, спустись, нужно с пропуском решить. Ты тут одна пока. Как всех начнут

заселять, постоянный сделаем, а пока со временным походишь. Фотография есть?

— Нужно посмотреть.

— Если нет, то тут, в «Зелёном», можно сделать, там же и дубликат ключей.

— Спасибо.

— Всё, я пошёл, — быстро проговорил комендант.

Студенточка чихнула, чем разогнала залежавшуюся пыль. Коменданта сдуло, а в дверном проёме, выходящем на лестничную клетку, показалась светлая голова, очерченная воротником халата.

— Первокурсница?

— Ага, — выглядывая из-за стопки белья, ответила студенточка.

— Вова, — представился махровый обыватель. — В какой комнате живёшь?

— Четыреста первая.

— Давай помогу бельё донести. Раньше там художница жила с нашего курса, потом отчислилась, — подбадривал Вова.

— А ты на каком курсе?

— На третьем.

— Работаеть?

— Ага.

— А где?

— В «Порядке слов».

— Понятно.

«Значит, всё-таки работать можно», — подумала студенточка.

— А ты из какого города? Я из Воронежа.

— Из Перми.

— У нас тут ребята хорошие, вообще приезжих в лите больше,

чем москвичей, — на «приезжих» Вова улыбнулся, фонетика подталкивает мимику.

— Таланты со всей страны, получается, — невесело откликнулась студентка, как раз в тот самый момент Вова протянул руки за бельём, и она вздохнула с облегчением. Они вышли на лестничную клетку и вызвали лифт.

— Ага, кто-то писать перестает на третьем курсе окончательно, а кто-то возобновляет на четвёртом. Литпроцесс — штука сложная.

— А у вас все работают?

— Ну, многие, а что, тоже ищешь?

— Нет, просто интересно.

— С работой в Москве проблем нет, в «Дикси» всегда нужны рабочие руки.

Подъехал лифт, звякнула дверь, студенточка и Вова аккуратно зашли. Обыватель смял подушку, чтобы она не коснулась расписанных стен лифта.

— Народное творчество, — сказала студенточка.

— Ага, тут многим есть что сказать, — Вова оглядел чёрный лифт, дрожала жёлтая лампочка. — Особенно выпускникам.

Среди надписей проглядывали даты. Студенточке захотелось их поочерёдно соединить, как в детском журнале, чтобы получилась красивая картинка. Но цифры были написаны хаотично. Казалось, каждый выпуск хотел донести свою истину, располагая памятную строчку подальше от предшественников.

Постучался четвёртый этаж, дверь медленно разошлась.

— Твоя комната, — широкой рукой указал Вова на первую дверь после лестничного проёма.

Замок подёргали из стороны в сторону, и он податливо открыл дверь. Железные кровати-сетки с тонкими матрасами вдоль стен. На старом деревянном окне — сероватый ажурный тюль. Рыжие стеллажи за кроватями, а по обе стороны от окна — такие же рыжие столы. Обои в зелёную полоску, увитые плющом.

— Проветрить бы тут, — сказала студенточка, подошла к окну обутой и толкнула форточку, та не поддавалась, зато легко двинулись шпингалеты, и окно распахнулось целиком.

— На зиму заклеивали, — прокомментировал потуги Вова. — Многие уехали. На дистанте почти год. А отсюда ещё раньше съехали, — подметив, что студенточка смотрит на юродивые рисунки напротив одной из кроватей, Вова добавил: — Это Лия рисовала, — и показал на контуры персонажей ШКЯ, обтянутые обойным плющом.

— Жутковато. Я на другую лягу. Положи туда, пожалуйста, всё.

— Ок, а вещи твои где?

— СДЭКом едут, тут один чемодан всего, и пара сумок внизу остались.

— Помощь нужна?

— Можно, но мне что-то ещё насчёт пропуска нужно решить.

— Да тут нас всего ничего, на вахте в лицо запоминают. Ты тог-

да иди вниз, дверь можешь не закрывать.

— Почему не закрывать?

— Если пара человек на всё крыло найдётся, то хорошо, а вещей, ты говоришь, нет пока. Замок старенький, что его без толку морочить.

— Ясно, логично.

— Мы спустимся тогда.

— Мы? — спросила студенточка, но махровый обыватель уже вышел. — Хочу домой, — наедине вслух сказала студенточка, обвела взглядом по контуру юродивых напротив кровати и вышла.

Постельное бельё она положила поверх подушки, хотя она была не намного чище матраса, и пешком спустилась по лестнице. «Всё здание на ладан дышит, даже кошка есть, как у церковной лавки, благо не дым клубится, и креститься пока что не приходилось», — подытожила студенточка в голове, закончив путь по лестнице с редкими выбоинами.

— Что-то ты долго, — сказал комендант лицом в стол.

— Дверь не могли открыть, замок заедает.

— Сегодня дубликат ключа сделай и мне принеси до пяти. Замок бы смазать, я слесарю скажу. Если что-то будет нужно, тоже спускайся, говори.

— Спасибо. Фотографии нет.

— Тогда держи пока бумажку, сейчас сходи в «Зелёный», сделай дубликат ключа и фото. Приедешь — наклеим сразу. Только не потеряй.

— Хорошо.

— Здрасьте, Сергей Иванович,  
— заглянул Вова.

— Здравствуй, Вова.

— Отпускаете уже? — и головой указал на студенточку.

— Да, но ненадолго, пусть дубликат сделает с фотографией и ко мне до пяти.

— Хорошо, мы с ней кого-нибудь отправим.

— Я виде... — вмешалась было студенточка.

— Да тут по прямой всё, не заблудится, — не дал закончить комендант. — Ну, в добрый путь!

Вова кивнул студенточке, и она вышла из кабинета Сергея Ивановича, они вместе подошли к выходу, и уже около вахтёрши он спросил:

— Ты куришь?

— Нет.

— Ну, тогда пошли, постоишь с нами, выберем тебе провожатого.

— Ладно, — девушке было неприятно, что её передают из рук в руки.

Едкий сигаретный дымок проник сразу в лёгкие к студенточке, и она закашлялась, через кашель девушка слышала, как махровый обыватель представляет двоих парней.

— Это Тёма, мы с ним на одном курсе, — и кивнул в сторону невысокого крепко сбитого смуглого мальчика с медвежьими глазами. — А это Миша.

Второй был высоким и бледным, с тяжёлыми мешками под глазами и синяками в тон прожилок на руке, манерно держащей сигарету.

— Ага.

— Давай так, Тёма, поможешь мне донести чемодан новопривывшей в четыреста первую, а Миша до «Зелёного» проводит. Сергей Иванович просил до пяти ключ вернуть.

Разговор прервала вахтёрша, покинувшая пост:

— Место для курения — дальше! Просила же на крыльце не курить, вам отойти на пять метров, а нас штрафуют!

— Извините, — за всех сказал Вова, и компания сдвинулась к лавочке на аллее вдоль общежития.

— А ты откуда? — спросил Миша.

— Из Перми, — ответил Вова.

— А мы из Челябинска, — сказал Тёма за себя и Мишу, а студенточка отметила, что говорить друг за друга тут любят.

— Ну ладно, давайте сейчас всё сделаем и чай пить пойдём. Как раз Соня вернётся, — командовал Вова. На том разошлись.

— Двери не закрывала? — прикрикнул махровый обыватель, и на лице мелькнуло испытующее выражение.

— Не закрывала! — прокричала через аллею студенточка.

Сначала они с Мишей шли молча. Скорее, студенточка шла за ним, еле-еле успевая за широкими быстрыми шагами. Со стороны завода сладко пахло творожными сырками. Но когда проходили мимо «Дикси», Миша сказал:

— На обратном пути зайдём.

— А ты работаешь?

— Да, преподавал русский и литературу, а теперь в книжном.

— В «Порядке слов»?

— Да, а ты откуда знаешь? Вова рассказал?

— Он же сам там работает.

— А что это тебя так интересует, кто где работает? Парня ищешь побогаче? Тогда тебе в МГУ надо, — сказал Миша, и улыбка упала в скулы на лице.

— Или самой работа нужна? Литературой особо не зарабатываешь, но можно пойти преподавать. В лите половина преподавателей — выпускники.

— А можно в «Дикси», — невесело отозвалась студентка.

— Это на крайний случай. Тебе вообще пока что о работе рано думать, на первом курсе точно. Нужно ИДЦ и античку сдать, а потом можно дышать спокойно.

— Сдам, а что дальше? Я не хочу в книжный идти.

— Не иди. В Москве вариантов много.

Они опустили в подземный переход, рядом с входом в метро сотрудники станции подметали разбитую бутылку, а из громкоговорителя опять о чём-то предупреждали и что-то рекомендовали. Разговор продолжился, когда они вышли на улицу.

— У меня в деканате с порога спросили, где я работать потом буду. Слава Богу, первое образование есть. Но неприятно так,

прямо с порога, понимаешь, — начала разговор студенточка, ей совсем не понравилось предположение старшекурсника.

— Не в настроении были, а может, проверяли. Тут многие приходят «шедевры» писать и большие деньги с пол-оборота зарабатывать, — иронично прокомментировал Миша.

— Мне в музыкалке тоже преподаша по фортепиано говорила, что музыкой не зарабатываешь, но вот я же живу на что-то.

— А ты что, музыкой занимаешься? У нас тут синергия приветствуется.

— Я преподаю, но сейчас не об этом. Думаю, всем можно зарабатывать, пути искать нужно. У меня одногруппница в колледже говорила: «Хочешь жить — умей вертеться», — и, чтобы сбить нравоучительную паузу, добавила: — Я думала, вы тут совсем впроголодь живёте.

— Ты это про «Дикси»? В Москве цены везде одни — высокие. А этот — просто по пути.

Они зашли в «Зелёный» и оставили ключ, нужно было подождать, поэтому, чтобы успеть на чаепитие, пошли пока делать фотографию на пропуск.

— Тут пункт «Озона», — сказал Миша.

— Ага.

— А там «Вайлдберриз», — продолжал проводить индустриальную экскурсию старшекурсник.

— Ага.

— А за углом «Светофор».

Последний привлёк внимание студенточки больше пунктов выдачи.

— Удивительно, он и тут есть.

— Конечно, столько приезжих, а ты цены на жильё видела? Куда уж там. Вот «Светофор» и спасает. Тут завод, рабочих рядом много живёт, а район не из дешёвых, — и чуть погодя Миша добавил: — Если сильно хочется литературой зарабатывать, то можешь в сетевую податься. Сола Монова и Ах Астахова неплохо живут.

— Меня не интересует ни одна, ни другая сейчас.

— Ты пиши, а там видно будет, — и немного погодя: — А в «Дикси» всё-таки зайти надо.

Дошли до «Фото на паспорт» — очереди не было, потом за дубликатом. «Дикси» въелся в память и одежду запахом подгнивших овощей, травмированными тележками и системой лояльности — скидками по социальной карте. Студенточка накупила моющих средств, а Миша — воды и фруктов.

— Я сегодня убираться буду.

— А чай?

— Как закончу, по ощущениям — ближе к ночи.

— Ну, ты всё равно заходи, как закончишь, мы допоздна сидеть будем. От сессии до сессии живут студенты весело.

— Как только — так сразу.

Ключ вернули, фотографию приклеили. Студенточка вызвала лифт и вышла на четвёртом, Миша поехал выше. Отыскала ведро в студенческом чате и принялась отмывать налёт прежних жильцов. С окон стянула паутину малярного скотча и ваты. А вот обои, к сожалению, не получилось отмыть от страшных рисунков, поэтому она решила спать лицом к стенке. Студенточка расправила тигровое постельное бельё ближе к одиннадцати, пару раз звякнул телефон, но этого она уже не слышала, провалившись в пружины.

У изголовья кровати висела звёздная карта от прошлых жильцов. И снилось уже студентке, как надписи в лифте соединяются в созвездия.